

и командирами, предводителями и атаманами.

О том, какие события происходили в то далёкое время, рассказывается в литературных заметках нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение. Начало — в №№ 1, 3, 5, 8, 10, 12, 14, 16, 21, 23, 25, 27 за 2024 год).

Первую жертву Гражданской войны в хуторе Швечикове станицы Гундоровской, увечного разумом мальчонку по имени Кирюша, привезли домой в предвечернюю пору. Это была не смерть бойца и храбреца на поле боя, а нелепая гибель от выстрелов не разобравшегося с тем, кто перед ним оказался, председателя Сорокинского совета Михаила Мажарова. Сам председатель всех и завиноватил:

- Послали сами для прикрытия местного дурачка, а я разбираться должен, имел ли он отношение к избиению наших товарищей из направленного к ним в хутор продотряда или не имел. Да и как выяснилось, совсем он никудышный человечико.

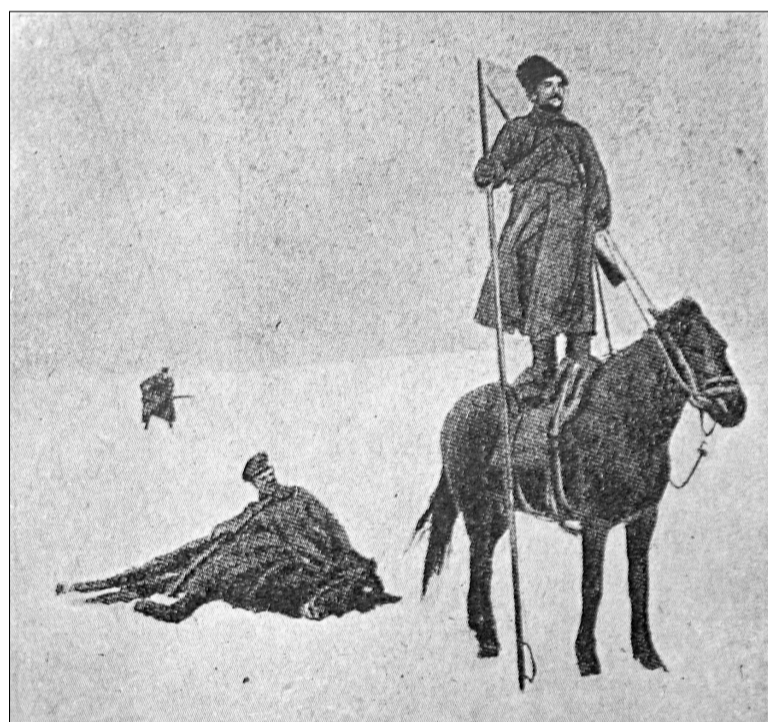
Вмиг узнавшие скорбную весть хуторяне считали по-другому. Мать Кирилла, Меланья, выбежала из куреня с громким криком, на который тут же собрались соседи и начали помогать ей в похоронных хлопотах. Совсем скоро с другого конца хутора пришёл атаман Тимофей Богучарсков. Успокаивать безутешную мать, потерявшую своего единственного сына, он не стал, хорошо понимая, что это бесполезно.

Собравшихся тихо попросил:

- Вы уж помогите соседи, а я от правления все команды дам.

Утром казаки развели костер на краю кладбища, дождались, пока жар от него проник в окаменевшую от мороза землю, и стали копать могилу для Кирюши. Копали сменами по два человека и всего-то по силам было углубиться на два штыка. Потом быстро шли в самый близкий к кладбищу курень и там за

Прошло более ста лет после окончания Гражданской войны на Дону, и всё равно не утихают споры о её причинах и истоках. Как получилось так, что относительно однородная социальная среда донского казачества разделилась на неравные и неравноценные части — красную и белую, и представители каждой из них считали себя единственно правыми и достойными подражания, а главное, победы. Перед казаками, испокон веков проживавшими у берегов Северского Донца, самой жизнью был поставлен острейший вопрос: за кем они пойдут — за новой, только народившейся советской властью, или же за теми, кто отстаивал вековые традиции донского казачества, за своими начальниками

Казаки на сторожке.

четвертью самогона, выставленного хозяином, при немудреной закуске выпивали для сугрева и хоть не положено было ещё — за помин души убиенного.

- А знаете, братцы, я сейчас шёл сюда, глядел вдоль улицы и понял, чего нашему хутору будет не хватать. Как раз его, нашего Кирюшки. Трудно без него хутор будет представлять, особенно летом.

- Безобидный был малец, что ни попросишь, всегда поможет, и сила в нём была не растратченная.

- Скотину всегда умело пас, помогал потерявшуюся отыскать и вернуть хозяину.

- Да и умишко какой-никакой всё же был, да больно глубоко спрятанный.

- Мог бы чему-то выучиться и пользу приносить. Не сложилось!

Меланью всю ночь соседи одну не оставляли. Боялись, что руки на себя наложит. А ведь могла. Да и с такого горя запросто с ума можно было ей сойти. Ведь убийство единственного сына словно подводило чёрную черту в её короткой незадавшейся судь-

бе. Последние два десятка лет были наполнены для неё вечными унижениями и беспросветной нуждой. О том, чтобы выйти замуж, не могло быть и речи. Кому была нужна хоть и красивая молодая справная женщина, но обремененная незаконно прижитым ребёнком, да ещё и с такой степенью увечности? Кому? Были, правда, увивающиеся за ней утешители, и они никогда не переводились. Только никто ничего не добивался. Во всяком случае плохие слухи о Меланье по хутору не разползались.

Из старых, немного подгнивших горбылей плотник с соседней улицы сколотил гроб и от себя принёс рулон домотканого льняного полотна и вручил Меланье. Всё же будет чем выстелить домовину.

Кирюша лежал в ней вытянувшийся, вдруг заметно повзрослевший и, казалось, необыкновенно красивый. Не зря же в народе говорят, что иных и смерть красит. Рыжий чуб распушился от ветерка и выбивался из-под погребального венчика, а мать его не-

прерывно поглаживала.

Отец Евлампий по обычному чину провел отпевание, а потом позволил себе прочитать проповедь, которую очень внимательно слушали хуторяне.

- Раб Божий Кирилл принял мученическую смерть на горе своей родительнице и близким. Каждый из нас знал усопшего и оставил в своей памяти его образ. Образ скромного и тихого труженика, любящего свою мать, своих соседей и всех хуторян. Хочу сказать, что сильная власть с увечными не воюет и не боится их. Сила власти в том, как народ эту власть поддерживает. Конечно, все знают, что власть не всегда любят, куда чаще поругивают. Хоть и говорят, что любая власть от Бога, но эта новоявленная, пришедшая на наши казачьи земли неведомо откуда, точно не от него. Не позволил бы Всевышний такого. Не позволил!

Уже вечером в день похорон Кирюши такие речи отца Евлампия обсуждали не только в хуторских куренях, но и в Сорокинском совете. Священника занесли в особый список, но только до поры до времени трогать не стали.

Разбираться с трагическим случаем, потрясшим всю округу, было некому. В окружной станице Каменской и в шахтных посёлках была уже власть новая — советская, которую представляли наскоро выбранные на митингах и собраниях советы, а в хуторах всё оставалось по-прежнему и верховодили избранные казаками атаманы.

Так же было и в хуторе Швечикове. Атаман Тимофей Богучарсков организовал по уставному боевое охранение хутора. Казаки посерьёзнили и стали выходить по очереди в караулы. Всё как во время войны, с одной лишь разницей, что после двухчасовой смены на морозе можно было

оказаться в курене рядом со своей роднёй и даже привалиться к тёплой спине жены. Разве на фронте об этом не мечтали? Дисциплина, конечно, от таких совсем не боевых обстоятельств сильно хромала. Казаки разных переписей переругивались между собой, кому идти в ночные смены, а кому заниматься окарауливанием днём. Норовили малолеток вместо себя выставить или, ещё чего хуже, подростка из своей семьи одеть в большой тулуп и послать на колокольню Свято-Серафимовской церкви. При этом показывали ему, как бить в малый колокол для того, чтобы поднять в хуторе тревогу. Пару раз неопытные наблюдатели поднимали шум зря, и одна была только в этом польза, что попутно потренировались казаки быстро строиться на майдане.

Со временем порядок навели, и стала похожа служба на уставную. О воинских уставах в наступившее мирное время хотели забыть, но не получалось. Такая жизнь не давала.

Хотя с фронта вернулись много офицеров, в том числе и старших, но не они управляли делами в только что созданных местных отрядах самообороны. В хуторе Швечикове этим занялся Антон, и никто на его молодость внимания не обращал. Он, конечно, знал, что не все казаки горят желанием защищаться. Были и такие, которые на посиделках горько сетовали:

- Ничего мы с этой красной дьявольской силой не поделаем. Оружия у нас нет. Из смены в смену часовые между собой один карабин с двумя обоймами передают. Окопы рыть по такой погоде — дурное дело, да и беззащитны мы совсем. Хутор — на берегу реки, в низине. Захотят — на круче пару пулемётов поставят и потребуют самим сдаваться и сдавать оружие.